

Встреча

Рассказ

Колония строгого режима УТ № 189/33 находилась в западной таёжной пустыне Уральских гор, в двухстах километрах от Перми по железнодорожной ветке Нижний Тагил – Пермь. Лагерь занимал небольшую территорию, примерно пятьсот на пятьсот метров, посреди леса, огороженную несколькими рядами колючей проволоки, подключённой к системе сигнализации.

Над зоной возвышалась будка, где обычно сидел дежурный офицер во главе наряда прапорщиков. Заключённых в таких зонах всегда немного. Десятков семь-восемь. В то время как в «Шестёрке» – колонии для уголовников, расположенной в нескольких сотнях метрах, было около трёх тысяч зэков.

Из лагеря под Ленинградом Владимира Спивака перевели под Пермь, но почему-то в «Шестёрку», а не в «Пермь-33», как полагалось по второму приговору. Видимо, местная администрация решила, что его просто переводят по 209-й (тунеядство) в другой лагерь. А в спецчасть зоны его документы по серьёзной 190-й, часть 1-я ещё не поступили. Там никто даже и не подозревал, что какой-то шумель, он же сука и падла в натуре – Спивак, отъявленный диссидент – борец за справедливость, знаток французской литературы и талантливый математик, любит «Гамлета» и балдеет от воровского жаргона баллад Франсуа Вийона.

Что ж, так бывает. Не кричать же ему самому об этом.

Весь этап, в котором был Владимир, сразу направили в карантин. Официально там происходит адаптация зеков к

новым условиям. Он это уже прекрасно знал по прошлому лагерю, где пробыл всего два месяца. За двенадцать-семнадцать дней новичков стригут, моют, выдают робу, берут анализы, подвергают психологическим тестам, знакомят с особенностями зоны. Но это всё происходило только на бумаге и вовсе без твоего участия.

Что-то неладное Спивак заподозрил ещё в воронке, когда один из конвоиров сказал, что они неудачно попали и что им теперь кранты. «Что значит – неудачно?» – подумал Владимир. Но не станешь ведь спрашивать конвоира.

Ждать подтверждения этих слов долго не пришлось. Не успел он ещё приземлиться, прыгнув с высокой ступеньки воронка, как на него посыпался град ударов. Дальше бегом, бегом с помощью пинков и дубинок их сопроводили до помещения, которое и было карантинном. Он чувствовал животный страх, исходивший от его товарищей по несчастью, да и от себя тоже. Двоих сразу увели куда-то по лестнице наверх. У стены, с раздвинутыми руками и ногами, остались четверо. За ними ходил сотрудник администрации с палкой и бил по ногам, раздвигая их как можно шире. Прозвучал вопрос: «Есть ли красные?» Двое сказали «да». Их увели в какой-то кабинет, а потом из этого кабинета подняли тоже наверх. Остались двое. Вовка и ещё один. Пока везли, он второго не замечал. Откуда взялся? Щуплый такой, вроде как киргиз. Напряжение всё увеличивалось и увеличивалось. Прозвучал другой вопрос: «Обиженные есть?». И этот тоже ушёл в кабинет, а после поднялся наверх. Спивак остался один и понял, что ему действительно кранты. Кто-то то ли спросил, то ли сказал: «А ты, стало быть, борзой» (аббревиатура – БОРЗ – без определенного рода занятий). На тот момент он и сам не знал, кто он, поэтому счёл за благо промолчать. Его с помощью дубинок сопроводили в тот же кабинет, что до этого и остальных. Настоящий страх он испытал, когда пробежался по коридору из сотрудников. Со всех сторон его лупили дубинками, руками и ногами. Где-то посередине он получил очень сильный удар по ноге, не выдержал и упал. Удары не прекращались, прозвучал взбешённый голос:

«Вставай, мразь». Еле поднявшись, Спивак побежал в полуприсядку дальше.

Из комнаты, куда его вдавливали, раздавались истошные вопли. Уже подбегая, он боковым зрением заметил у входа чье-то тело, валявшееся в крови. В самой комнате, размерами три метра на три, с обшарпанными кирпичными стенами, на корточках лицом к стене впритирку сидел весь новый этап. Сотрудники брали каждого за шкуру и подводили к столу, застелённому красной скатертью. На ней в ряд лежали заявления. Каждый расписывался и его уводили дальше. Третьего человека до Владимира начали забивать прямо в этой же комнате в углу. Спивак видел, что не просто били, а втапывали в пол. Тот, которого забивали, отказался подписать заявление. После длительных «согласительных процедур» этого бедолагу куда-то унесли. И вот настала очередь Спивака.

Владимир грешным делом подумал сразу расписаться, да и дело с концом. Но он знал, что заявление о согласии сотрудничества с администрацией – это крест на его диссидентской карьере. Когда его подвели к столу, он гордо смял три листка, лежавшие перед ним, бросил на пол и тут же рухнул вслед за ними. Удары по голове были такой силы, что, казалось, били молотком. Спивак потерял сознание.

Очнулся он в бетонном склепе, с единственной лампочкой на потолке за решёткой, на полу вода. Увидев, что у непослушного зашевелились глаза, сотрудники карантина спокойно вошли в каменный колодец и снова принялись его методически избивать. Их спокойствие ещё больше усугубляло положение узника. Потому что это было не буйство чувств, а обыкновенная работа. Ну, как покраска стен с перерывом на обед.

Самое неприятное ощущение «ампутации личности», о котором ему много лет назад говорил отец. Точно проволокли тебя мордой по щебёнке, и совсем не осталось никаких твоих характерных черт или примет. Особенно заметно это при длительном пребывании в одиночке. На прогулку не ходят, в баню не водят, кормят через день, окна практически нет, лампочка где-то в нише, у самого потолка, еле-

еле потолок освещает. Тёплой одежды не полагается. В углу параша, а то и просто дырка в полу, из которой целый день прёт вонь.

Первые двое суток для Владимира ещё существовали и ночь, и день. Днём он ходил взад-вперед, а ночью старался заснуть. Но однообразие, холод и голод брали своё. К этому добавлялись сильные боли там, куда особенно били. Мышцы в местах ушибов скукожились и не распрямлялись. Такие шишки, с яйцо величиной, на плечах, на спине. Если не двигаться, вокруг них накапливалась жидкость. Всё это сразу увеличивалось в размерах и давило на нервные окончания. Получалось, что нужно интенсивно двигать руками и ногами, чтобы жидкость рассосалась, а мышечный ком уменьшился хоть чуточку. В результате меньше болело и меньше ощущался холод. Теперь можно было дремать минут пятнадцать-двадцать. Затем он опять просыпался от боли и минут сорок бегал на месте, размахивая руками. Больно! Потом опять дремал минут пятнадцать прямо на мокром полу, упершись спиной в стену... Постепенно чувство реальности утрачивалось. Тело деревенело. Спивак превращался в какой-то неодушевлённый предмет, производящий тупую, тянущую, острую, подергивающую, вообще любую боль во всём теле сразу.

Владимира держали в цементном колодце сначала пять дней, потом ещё неделю. Потом ещё... Он впадал в забытие, вскакивал, бегал, снова уходил куда-то... Ему трудно было понять, чьё тело лежит прямо перед его глазами на бетонном полу. Оно ему не повиновалось. Его мысли тоже приходили и уходили сами собой. Когда били, становилось лучше. Острая боль, вонзающаяся в тело от удара сапогом – счастье! Во-первых, известно, что она такой не останется, она наверняка постепенно пройдёт. Во-вторых, она свидетель того простого факта, что ты ещё живой и пока ничего не подписал.

Постепенно пятна грязи на серых бугристых стенах колодца, которые он созерцал уже много дней, начинали сливаться. Потом, как в мультфильме про волшебного художника, из них стали возникать какие-то лица, предметы. Они

разговаривали друг с другом, хвастались своими длинно-
полыми шляпами или острыми клиньями бороды, брали с
пола огромные ведра, полные чёрного винограда... Вон тот,
с шевелюрой и длинным носом, как у Де Бержерака, под-
нял его на плечо и понёс куда-то... Спивак тихо, почти шё-
потом крикнул ему вслед: «Оставь немного. Оставь!..» Но
тот только взмахнул своей шпагой, посмеялся и... остался
стоять на месте. «Нет! Это же бывший одноклассник Се-
рёга в мушкетёрском плаще и в шляпе... Как я сразу не до-
гадался... У него такой нос... Ну, не такой... Но похож...
А там, в углу, лежит, будто катком расплющен... Тоже в пла-
ще... Вон развеивается на ветру... А профиль-то, профиль...
Вылитый Юрка Лисочкин! Арамис». Спивак вспомнил, как
в первом классе французской школы он вместе со своими
приятелями по классу и по двору участвовали в концерте
для родителей...

– Вы чего здесь? – непроизвольно произнёс Спивак...
Никто не отвечал. Он повторил громче, – Вы чего здесь? –
потом помолчал немного и будто сам себе сказал, – а Пор-
тоса как тогда не было, так и сейчас нет...

Владимир ещё долго их разглядывал, расспрашивал... Он
не мог зацепиться за что-то одно. То он говорил с ними как
Атос, то как Вовка Спивак. То спрашивал про одноклас-
сников, то про Алёнку Ливанову, игравшую роль француз-
ской королевы, то про революцию на Кубе... Они вроде бы
ему отвечали. Он даже спорил с ними...

– А где же всё-таки Портос? – опять мелькнуло в голо-
ве у Спивака. Всю стену обнюхал и прощупал руками. И так
поглядит на неё, и этак... Ничего! Он уже было совсем ра-
зочаровался в безнадёжных поисках, как прямо перед со-
бой заметил новое лицо – с длинными волосами, без шля-
пы, без плаща и очень маленькое, совсем не похожее на здо-
ровяка-мушкетёра. Тем не менее, что-то особенное в этом
лице, и даже знакомое, приковывало внимание Владими-
ра. Он пытался задавать вопросы... Бесполезно. Только сте-
на надулась и жутко молчала. Потом она вдруг вся сразу
пошла не него... Спивак закричал... Но крика не было. Го-
лос его уже давно сел, а он снова и снова звал на помощь...

– Этот маленький... Это... Филя? Петька Филиппов, – сверкнуло в глазах у Спивака, будто он прямо перед собой соединил два электрических провода разного цвета. Он не думал про то, что это совсем не Портос и что этот маленький до сих пор молчал и совсем не разговаривал с остальными обитателями стены. Владимир вдруг почувствовал, что это расплата... Она пришла как раз вовремя...

В седьмом классе он вместе с Серёгой, Юркой и Петькой Филипповым – «Филькой» проник в учительскую. Там они стащили классные журналы и уже хотели уйти через окно. Но их застучал учитель труда, инвалид Васильич. Помогая беспомощно повисшему на дереве Петьке, учитель выпал из окна и разбился насмерть. Филиппова сразу поймали, осудили и отправили в Колпино, в колонию для несовершеннолетних. Своих подельников он не сдал. А через полгода пришло известие, что Филиппов умер. Тот самый Петька, который в детстве играл на скрипке и, первый научившийся читать, декламировал перед всем классом «Незнайку в Солнечном городе».

– Один за всех, – медленно и с надрывом прошептала тень Петьки Филиппова. Сергей молчал, а Юрка как лежал, так и остался лежать, только вдруг тихо вымолвил: «Я не толкал Васильича, я не толкал. Он сам упал...» А Спивак, весь мокрый и скрюченный от нестерпимой и непрекращающейся боли, ошалелыми глазами впился в изображение Фильки над парашей. Он отчётливо видел, как шевелятся губы говорящего Филиппова, как тот медленно поднял на него глаза, как в них мелькнули его хулиганские искорки...

Это тусклый свет от лампы проскользнул по каплям влаги, сконденсировавшимся на стене и ещё не успевшим упасть обратно в огромную грязную лужу на цементном полу одиночки.

Владимир внутренне сломался. Во время очередной передышки ему просунули бумагу, и он подписал.

Несмотря на полученную подпись, в лагерь его всё равно не выпускали. Ещё неделю ему пришлось провести в одних трусах в камере, где воды было по щиколотку. По-

том предоставили сухую хату, но одежды всё равно не давали. Только на третью неделю выдали ему замызганную робу. Так вышибали остатки человеческого духа.

«В чём отличие? – спрашивал себя Спивак. – Подпиши я сразу эту проклятую бумагу, не пришлось бы испытать муки бетонного колодца. Зато не прошёл бы через ад!»

Теперь он знал, что это такое. Он мог ориентироваться: где ад, а где так, пустяки, издержки профессии. Заполнив все клеточки незамысловатых «психологических тестов» карантина, Спивак наконец-то вошёл в лагерь.

Уголовный уклад в лагере выглядел формализованным, жёстким и живучим. Он хоть и являлся неотъемлемой составной частью существования новой культурной общности под названием «советский народ», но всё-таки отличался от того, что обычно понимали под этим словосочетанием.

В общем-то, в грубом приближении осужденные пытались создать то, что они утратили. Здесь постепенно вырисовывалась некая модель общества, из которого они изъяты. Конечно, это сообщество не изобрело велосипеда и не оно выдумало модель, по которой строило свои законы. Оно лишь в более жёсткой форме скопировало те отношения, которые почти все почитают или не почитают, но исповедуют в свободной жизни.

Бараков в «Шестёрке» было как раз шесть. Отношения между ними регулировал смотрящий за зоной. Если этого не делать, они приняли бы вид отдельных эковских кланов, а не единого преступного механизма. Как правило, лидером становился самый волевой и уважаемый арестант с сильным характером. Таких людей видно сразу. Это самый справедливый зек, прошедший все жизненные испытания. Его слово пользовалось безукоризненным авторитетом. Именно он ставил точку в решении всех сложных вопросов в лагере. Хоть с ворами в законе, хоть между самими зеками. Даже с администрацией зоны. Особенно, если её отдельные представители слишком нагло и чересчур часто «находили» в передачах наркоту или ещё что из недозволенного.

Например, неделю назад утренняя проверка надолго затянулась. И новенькие, недавно поступившие осужден-

ные, не нашли ничего лучше, как сломать ограждения и самим, без команды, зайти в барак. После этого на сходняке по решению братвы главный по зоне сам примерно наказал смотрящего за карантинном. Мол, при списывании из карантина в лагерь не доглядел и не воспитал. Не выяснил, кто порядочный человек, кто красный, а кто обиженный. Короче, пропустил в лагерь полных придурков. Для чего, спрашивается, ему давались три недели? Теперь с него следовало спросить. Спросить спросили, а замену ещё не выбрали. Вот администрация и пошла на беспредел в карантине. Справедливого контроля-то нет!

Спивак узнал об этом и только тогда понял, что имел в виду конвоир из воронка. Вот так! Это называлось: попал в пересменок. Но приход из карантина в лагерь совсем не значит – домой. Здесь своя проверка на вшивость, свои правила бытия. Так как ходка у Спивака была первая, его сразу стали качать на устойчивость все кому не лень. Начали баламуты. Они провоцировали новенького на ссору, задавали каверзные вопросы и требовали стандартные, принятые на зоне ответы. Один вежливо пытался заставить стирать его шмотки, другой – заправлять шконку, третий – поменяться местами. Всё это сопровождалось элементарным избиением ногами под милым названием «прописка». Правда, как и положено в таких случаях, били влёгкую, не облакачиваясь руками о шконку. Смотрящий по бараку обычно не лез в «рыночные отношения», но за этим важным обстоятельством следил всегда. Ведь бить ноженьками, опираясь на что-нибудь, и дурак сумеет. Отрядник – тоже себе не враг. Хотя уж этот-то был сотрудником администрации и должен проводить всякие разъяснительные беседы: ну там, о вреде курения и алкоголя, а также того, чтобы всякие там «безобразия не безобразничали». А на самом деле он ограничивался лишь подготовкой бумажек на комиссию по УДО. Так как очень любил это делать за деньги.

Прямолинейная логика событий постепенно превращалась в геометрическую прогрессию, и та уже неотвратимо влекла Владимира к самому святому месту в лагере, к сан-

части. Конечно, если бы он умирал и всё делал по понятиям, за него как один встряли бы все смотрящие на зоне. И по карантину, и по отряду, и по изолятору... Но ведь его просто попросили постирать, а он завёлся и грубо ответил. Так нельзя. Выдержка нужна. А её-то как раз всегда не хватало Спиваку. Слишком легко ранимый, да и гордый донельзя. Здесь выживали только те, у кого полностью атрофирована мимика и кто каждый божий день, вышивая на машинке рукавицы, умудрялся обозначить на них свой узор, хоть какой-нибудь, хоть крошечный... А у Спивака же всё наоборот! У него всё на лице написано. Такой не доживёт! Других спасала выдержка. И обязательное внутреннее глубинное противление тупому и однообразному образу жизни.

Всего в синяках, со сломанным ребром и ключицей, без верхних передних зубов и с порезанной шеей, Спивака наконец-то поместили в санчасть. Надо было очень постараться, чтобы туда попасть. Порой слабому зеку приходилось глотать всякую гадость, только бы его выдернули из отрядного ада межличностных отношений. Хоть на несколько дней.

Владимир неподвижно лежал на белой простыне. Но она всё равно постепенно становилась бурой от пятен крови. Шевелиться было нестерпимо больно, хотя его не били уже пять часов. Он смотрел в потолок, на белые крашенные металлические балки, и не верил этому. Не верил в действительность. Хотят повесить... На этих балках... Точно! Там как раз удобно. «Вот этот хочет», – мелькнуло в сознании у Спивака, когда вошёл санитар. Он инстинктивно съёжился. Тотчас острая боль пронзила его живот, потом ушла куда-то вбок и затихла.

Санитар – амбал в халате непонятного цвета – держал в руке мокрую тряпку, с которой стекала на пол вонючая жёлтая жидкость. Он достал из кармана три таблетки, положил их на тумбочку, потом уложил тряпку на горло Спивака около ключицы. Вязкая жидкость выползала из-под тряпки и растекалась по всему телу.

«Зачем это? – подумал Спивак, когда острый запах карболки заполнил всё помещение. – Это не исправит ни реб-

ро, ни ключицу...» От таких мыслей он обрадовался до невозможности. Надо же, он думал, воображал.

На память сразу пришло детство, его первое пребывание в больнице, после того как он объелся ложными лисичками. Утренняя тарелочка с кучкой сахарного песка и кусочком масла. Не зная, что это понадобится потом для чая и бутерброда, он принял всё это за завтрак и начал через силу поедать. Незабываемое впечатление... Зато как раз в это время ему не пришлось сидеть в коридоре поликлиники вместе с одноклассниками и, слушая бормашину стоматолога, ожидать своей участи...

Сейчас бы он по полу дополз до зубного врача. Только бы он был... «А где этот?..» – Вовка с ужасом вспомнил о санитаре. – «Он наверняка ждёт где-нибудь рядом... Ждёт, когда я отключусь... Где? Где он?» – никого вокруг не было. Как ни силился Спивак крутить глазами во все стороны – никого! Он неподвижно лежал на медицинской шконке один на всю камеру.

Владимир Спивак расслабился, и на его глазах выступили слёзы. Боже мой! Ну неужели только так, только такой ценой ты делаешь справедливость? У него не было больше никаких других мыслей. Только эта. За последние несколько месяцев его жизнь круто изменилась и теперь она быстро и с необыкновенной лёгкостью ломала его характер, насаждала новые ценности и мотивации, закрепляла свежие рефлексy. Нет, нетерпимость не исчезла. Она по-прежнему питала основу его поступков. Но теперь будто кто-то непроницаемым коконом накрыл все возможные и невозможные проявления этого устойчивого чувства. Даже слёзы, появившиеся у него на глазах, собравшись в две крупные капли, не скатывались вниз по впалым щекам. Какая-то новая, ещё неизвестная ему мощная внутренняя сила противилась законам тяготения и не отпускала их.

Через минуту санитар опять вернулся. Теперь он привёл мужчину. Весь скрюченный, маленький, со сморщенным лицом пепельного цвета, очень больной человек медленно взобрался на соседнюю больничную кровать и наконец-то с протяжным стоном улёгся – как-то неуклюже, на правом

боку, спиной к Спиваку. Двое зеков, которые помогали санитару вести больного, поставили на тумбочку поллитровку с водочной этикеткой «Столичная» и положили пару плавленных сырков.

– Петро Игнатьевич, мы вот тут оставим вам... эта... бульончика. Настоящий куриный, не жирный, – с особым пиететом пролепетали зеки. – Завтра ещё найдем. Что нужно, то и притащим из общей коробки. Может, лекарства какие от желудка...

Молодой надзиратель тихо стоял поодаль, безразлично глаза на суету осужденных.

– Благодарю тебя, Бур, – выдавил больной и, повернув голову в сторону высокого, лысого, с кучей всяких татуировок на руках и даже на шее, добавил. – Идите уже, я сам. Чуть что – сразу ко мне! Не смотрите, что прихватило. День-два, и пройдет. Я знаю...

Санитар сделал укол. И все тихо исчезли. Скрюченный поморщился, покряхтел и затих. Через мгновение он уже храпел. А Спивак по-прежнему лежал не шевелясь. Он не смотрел вокруг и никого не видел. Не было никаких мыслей. Одно тупое спокойствие безмолвно бодрствующего ещё живого существа.

Теперь вошёл смотрящий по санчасти. Его все знали. Самый любимый человек всех времен и народов. Его звали «Сталин». Он поморщился от запаха Вовкиной тряпки, потом внимательно осмотрел кровать его соседа, поправил одеяло, положил в тумбочку какие-то ампулы. Уходя, взглянул на Спивака, увидел его открытые глаза, остановился и произнёс.

– Ты смотри тут, шелупонь, не балуй, на... А-то переведу в общую и аспирина не дам. Главный тебя, можно сказать, осчастливил, на... Понимать надо... В общем, на... сразу кричи, если что. Увидишь, что ему хуже – сразу кричи. Понял ты, на...?

Владимир глубоко вздохнул два раза, как делают в армейском строю перед троекратным, протяжным «Ура-а-а!», скривился от боли в груди и тихо, будто умирающий, коротко выдохнул: ...онял. – Букву «п» ему было не произнести.

Он по-прежнему лежал на спине и даже не догадывался, что этот, который рядом с ним громко храпел и охал во сне, может запросто, одним взглядом круто изменить его жизнь. Причем в любую сторону. Вовка, хоть и знал уже основы зековской иерархии, но представить, что рядом с ним лежит смотрящий по всей зоне, он не мог при всем своём желании.

А это действительно был главный зек на зоне. Не «вор в законе». Нет. Этим на воле хорошо, а здесь в лагере – главный именно он. Самый уважаемый – точно. Все знали про его жизнь в «Шестёрке» и пересказывали её друг другу, будто выдержки из букваря. А Спивак не успел узнать. Когда все время быют, нет возможности впускать в голову другую информацию, кроме той, что хоть как-то связана с возможностью увернуться от очередного удара.

Петро Игнатьевич, как его называли осужденные, попал в лагерь на Чусовой семь лет назад. Никто из местных не знал, за что. Откуда – тоже покрыто мраком. Сидел ли он раньше? Поступил с воли или из другой зоны? Никто ничего этого не знал. Неправильного шлейфа за ним не было. Администрация тоже особенно не распространялась по его поводу. Так что вполне достаточен его авторитет здесь.

Все знали только одно. В карантине его не били, а попросту убивали. За то, что он по документам был злостным отрицалой. То есть ни на что не кололся и никого не выдавал. Он терпел до предела, понимая, что крайние меры надо использовать только в крайнем случае. И вот когда он уже не соображал, где находится и что с ним происходит, а из ушей, носа и рта ручьём текла кровь, интуиция подсказала, что момент настал. Будущий лидер «Шестёрки» нащупал языком припрятанную бритву и, разбежавшись, прыгнул рыбкой в окно. Головой он пробил два проёма и упал на землю. Весь изрезанный осколками, вскочил и для верности вспорол себе вены на обеих руках. Конечно, сотрудникам карантина на это было глубоко наплевать, хоть всё себе отрежь. Но брать на себя ответственность за труп никто не хотел. Поэтому нового зека прекратили избивать, за-

штопали порезы на руках и отнесли на носилках в санчасть. Только там, а не в карантине, как это положено, узнали о его язве желудка, которая иногда, особенно после таких встреч, запросто превращается в прободение, заражение, перитонит и ещё кучу всякой дряни, несовместимой с жизнью вообще, а в лагере на Чусовой в особенности.

Но этот жилистый, ссохшийся вор выжил. Он всегда выживал, в любых условиях. Терпение и выдержка, заложенные в нём, должно быть, ещё с детства, всегда спасали его, а уже позднее заставляли уважать. Как на «Шестёрке», так и раньше, в Нижнем Тагиле, а до этого в ростовском лагере, в ИТК-12. И под Ленинградом, у малолеток...

Через час начиналась утренняя проверка. Но она не касалась этих двоих. Они тихо лежали на соседних больничных шконках. Один, скрючившись, спал. Другой, тот, что смотрел в потолок, всё время чего-то ждал...

Смотрящий по лагерю поднялся вовремя, как и положено всем на зоне. С годами это вошло у него в привычку. Болен, не болен – всё равно. Он сам сделал себе укол и теперь сидел на краю больничной шконки, уставившись на соседа, и ждал, когда тот прекратит свои всхлипывания во сне и проснётся. Веки соседа дрогнули, через мгновение открылись глаза. Спивак глубоко вздохнул, и его тело сразу же затряслось от глубокого сухого кашля. Он только попытался приподняться, как острая боль пронзила его от головы до ступней.

– А ты совсем не изменился, Вова, – тихо, как будто рассуждая сам с собой, произнёс смотрящий. Сосед услышал.

– Вы ...меня ...наете? – спросил Спивак, плохо выговаривая слова и не поворачивая головы.

– Знаю, знаю. Тебя легко узнать. Я же говорю. Ты совсем не изменился. Так бывает... Когда легко живёшь... А вот ты меня не узнаёшь.

Вовка напрягся и, преодолевая тупую боль во всем теле, поднял руки, схватился ими за железные трубы, соединяющие шконки, и, потянувшись, повернулся к соседу лицом.

– Да. Я ...ас не ...наю.

– Конечно. Небось, списали и забыли. Может, тебе монолог Сида прочесть... по-французски? Или что-нибудь из «Незнайки в Солнечном городе»?

– ...иля?.. Как так... – Спивак не узнал, он понял, что перед ним сидел Петька Филиппов. Живой Филя... Только совсем не похожий на него. Будто совсем другой человек узнал все про их жизнь в школе и теперь пытается выдать себя за Филиппова. Но зачем?

Филя. Неужели тот самый, худущий и неуклюжий, с большим белым воротником поверх форменной гимнастерки? Ну, точно! Хотя совсем другое лицо. Серое, в шрамах, одно веко опускается чуть ниже, больше прикрывая левый глаз. Нос... У Петьки был тонкий и длинный нос. А у этого приплюснутый и с кривой переносицей. Нет! Всё-таки это он. Тот же прищур глаз. Как у Ленина. Главный вор «Шестёрки». Самый уважаемый зек в лагере...

– Фи-и-ля, – не сказал, а просвистел Вовка. Потом было видно, как он готовился и, в конце концов, выговорил по-французски: «Comment... ça va?». Его рот стал открываться, обнажая пустые верхние дёсны: тонкие полоски губ, синекрасные, с трещинами поперек, начали по очереди двигаться. Сначала верхняя, затем правая часть нижней, а уж после – левая. Получилось что-то вроде улыбки.

Вовка второй раз за два дня заплакал. В этот раз слёзы у него лились ручьём, и никакая сила не могла их удержать.